

УДК 82.09

Трофимова В.Б.*Институт художественного образования Российской академии образования (г. Москва)***ПОЛЕМИКА М.О. МЕНЬШИКОВА С А.Л. ВОЛЫНСКИМ
И Д.С. МЕРЕЖКОВСКИМ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА И КРИТИКЕ**

Аннотация. Статья посвящена особенностям литературной критики политического писателя и публициста М.О. Меньшикова (1859–1918) в контексте полемики о русской литературе рубежа XIX – XX вв. Автор рассматривает статью Меньшикова «Критический декаданс» (1893), в которой критик защищал от А.Л. Волынского критическое наследие В.Г. Белинского и русских критиков-демократов 1860-х годов, не соглашался с интерпретацией Волынским повести А.П. Чехова «Палата № 6». Автор показывает, что в статье «Клевета обожания» (1899) Меньшиков доказал ошибочность трактовки Д.С. Мережковским стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» («Чернь») (1828) и поэмы «Медный всадник» (1833). Мережковский причислял Пушкина к язычникам.

Ключевые слова: М.О. Меньшиков как литературный критик, критика В.Г. Белинского, русская демократическая критика 1860-х гг., критика русских символистов, критики А.Л. Волынский и Д.С. Мережковский.

V. Trofimova*Institute of Art Education of the Russian Academy of Education (Moscow)***M. MENSNIKOV'S POLEMIC WITH A. VOLYNSKY
AND D. MEREZHKOVSKY ABOUT THE RUSSIAN LITERATURE
OF THE 19TH CENTURY AND CRITICISM**

Abstract. The article is devoted to features of literary criticism of the political writer and the publicist M. Menshikov (1859–1918) in a polemic context about the Russian literature of 19-20 centuries. The author considers Menshikov's article «Critical decadence» (1893) in which the critic protected from A. Volynsky the critical heritage of V. Belinsky and the Russian democrat critics of 1860s, disagreed with interpretation of Volynsky of A. Chekhov's «Ward №6». The author shows that in the article «Slander of adoration» (1899) Menshikov proved an inaccuracy of D. Merezhkovsky's interpretation of Pushkin's poem «The poet and crowd» («Common people») (1828) and the poem «Bronze Horseman» (1833). Merezhkovsky considered Pushkin a pagan.

Keywords: M. Menshikov as a literary critic, critic V. Belinsky, the Russian democratic criticism of the 1860s, criticism of the Russian symbolists, critics A. Volynsky and D. Merezhkovsky.

Русская литературная критика всегда играла особую роль в литературном процессе и заметно влияла на его развитие: «Русская литературная критика – такое же своеобразное и уникальное явление, как и русская классическая литература. Ни в одной стране мира критика не играла такой громадной роли. Русская

публика часто в первую очередь читала именно критические статьи, а потом принималась за художественные произведения» [2, с. 3].

Исследователи определяют специфику литературной критики как особой деятельности, соединяющей в себе элементы художественного творчества, научного анализа и журналистики: «Литературную критику можно было бы охарактеризовать как практическую теорию и как актуальное литературоведение» [4, с. 6]. Основываясь на этой трактовке литературной критики, можно сказать, что творчество каждого выдающегося литературного критика как особого рода «актуальное литературоведение» оказывает влияние на развитие обширного комплекса дисциплин, составляющих науку о литературе.

Сказанное выше в полной мере можно отнести к литературно-критическому наследию выдающегося русского политического писателя, литературного критика, публициста и журналиста Михаила Осиповича Меньшикова (1859–1918). Меньшиков-критик разрабатывал основы литературной теории и критики, стараясь понять сами феномены писательства, художественного творчества, читателя (публики), критика. Литературно-критическое, философское и публицистическое наследие М.О. Меньшикова обширно, многогранно и ещё очень мало исследовано. Литературно-теоретические работы Меньшикова из книги «О писательстве» (1898), его литературно-критические этюды и статьи из сборника «Критические очерки» (1899–1902), книги философской эссеистики «Думы о счастье» (1898), «О любви» (1899) и «Начала жизни» (1901), а также само

его участие в дискуссии о литературе и критике оказали влияние на развитие отечественной науки о литературе конца XIX – начала XX веков.

Чтобы определить особенности методологии литературной критики Меньшикова, важно учесть принятое у историков русской литературной критики представление, что оценивать литературные явления только с художественной точки зрения очень сложно и недостаточно. Для русской критики вообще был характерен осознанный интерес к социальным, политическим, научным проблемам, а отсюда подавляющее большинство работ о литературе представляло собою критико-публицистические исследования [4, с. 6–7]. Не меньший интерес русские литературные критики на рубеже XIX – XX веков проявляли к этическим вопросам, направляя своё внимание на рассмотрение ценностных ориентаций. Литературная критика Меньшикова соединила в себе философскую глубину с публицистичностью, отличаясь жанровым разнообразием, глубиной теоретического осмысления литературных явлений: писатель активно разрабатывал основные вопросы теории литературы и литературной критики, исследуя их в широком философско-этическом и культурологическом контекстах. Вопросы теории литературы, литературной критики и журналистики рассмотрены Меньшиковым в книге «О писательстве» (1898), а литературно-критические статьи и этюды о творчестве русских и зарубежных писателей-классиков и писателей рубежа XIX – XX вв. вошли в его двухтомник «Критические очерки» (1899–1902). Философская эссеистика Меньшикова составила книги «Думы

о счастье» (1898), «О любви» (1899) и «Начала жизни» (1901).

На первое место Меньшиков-критик ставил философско-этическую оценку литературного произведения, далее следовала эстетическая и социально-политическая оценки. Как литературный критик М.О. Меньшиков формировался под влиянием многих известных литературных критиков старшего поколения (Н.К. Михайловского, М.А. Протопопова, Л.Е. Оболенского, А.М. Скабичевского). Как творческая личность писатель развивался и в полемике с литературными критиками-ровесниками (В.А. Гольцевым, В.В. Розановым, А.Л. Волынским, Д.С. Мережковским, А.И. Богдановичем). Об отношении Меньшикова к своим младшими критикам-современниками (В.И. Иванову-Разумнику, А.Г. Горнфельду, А.А. Измайлову) ничего не известно, за исключением его младшего коллеги по газете «Неделя» Н.Я. Абрамовича.

Меньшиков придавал большое значение литературной критике. К началу 1890-х годов он одним из первых ощутил существенные изменения в литературном процессе конца XIX века и связанную с ними смену приоритетов в русской литературной критике. По мнению исследователей литературной критики, осознав изменение художественной ситуации, русские критики в 1890-е годы стали говорить о завершении в русской классической литературе целого литературного периода, начавшегося в 1840-х годах. Поэтому литературная критика столкнулась с двумя проблемами: во-первых, с необходимостью анализа и обобщения итогов полувекового развития русской литературы, а во-вторых – с выявлени-

ем главного направления дальнейшего развития отечественной литературы [8, с. 176].

Именно к 1890-м годам исследователи русской литературной критики относят начало широкой дискуссии о прошедшем этапе русской литературы, о «наследстве», которая знаменовала собой пересмотр теоретических оснований литературы и критики, подразумевая обращение к ряду основополагающих эстетических, идеологических и политических вопросов. Начало дискуссии положили две работы: в 1890 г. К.Н. Леонтьев опубликовал статью «Анализ, стиль и влияние. О романах гр. Л.Н. Толстого», а в 1891 г. появился труд А.М. Скабичевского «История новейшей русской литературы (1848–1890)». Авторы этих работ признавали, что особый сорокалетний период в истории новейшей русской литературы завершился. В центре внимания участников дискуссии оказалось творчество писателей-классиков, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, А. Фета, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, А.К. Толстого, Я.П. Полонского, А.А. Майкова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого.

В дискуссии о литературе и критике приняли участие представители всех направлений русской литературной критики и общественной мысли рубежа XIX – XX вв. **Полемические литературно-критические выступления Меньшикова на страницах журнала «Книжки “Недели”» 1890-х годов, составившие в дальнейшем книги «О писательстве» (1898) и «Критические очерки» (1899–1902), тоже были неотъемлемой частью этой масштабной**

полемики. Книгу «Критические очерки» можно отнести к жанру критических этюдов и литературных портретов. В ней Меньшиков размышлял о творческом наследии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, А.К. Толстого, Я.П. Полонского, И.С. Аксакова, И.С. Тургенева, А.И. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, П.Д. Боборыкина, А.П. Чехова, А.М. Горького, П.Е. Нахкрохина; философском и поэтическом творчестве В.С. Соловьёва; вновь привлекал внимание к непреходящему значению творческого наследия В.Г. Белинского и представителей «реальной критики» 1860-х годов; строго и объективно анализировал критические выступления критиков-декадентов А.Л. Волынского и Д.С. Мережковского.

В полемике с декадентами Меньшиков продолжил говорить о трактовке русской классической литературы современными ему критиками, рассуждал о судьбах европейской цивилизации, соотношении культуры и цивилизации, причинах господства в европейском обществе настроений крайнего пессимизма и скептицизма, отразившихся в декадентской литературе и критике. В статье «Пределы литературы» (1893) из сборника «О писательстве» (1898) Меньшиков убедительно показал зависимость литературы от общих изменений национальной культуры. Писатель считал литературу одним из главных видов искусства, даже больше искусства: «В ряду других искусств художественная литература, бесспорно, самое могучее средство выражения национальной культуры. <...> Литературу можно назвать изящною наукой или фило-

софским искусством» [6, с. 272]. Меньшиков полагал, что расцвет русской литературы в наивысшем её проявлении – поэзии – совпал с формированием в XIX веке «более мягкой, гуманной цивилизации» [7, с. 272].

В статьях, составивших второй том сборника «Критические очерки» (1902), ярко проявилось провидение Меньшикова, предчувствовавшего в новом XX в. социальные потрясения, трагедию богоотступничества и богоборчества. Новые модернистские течения в русской культуре и литературе, объединённые Меньшиковым в понятие «декаданс», воспринимались им как проявление кризисного мировосприятия и мировоззрения. В 1890-х годах русский символизм постепенно начинал завоевывать признание у русской публики как идеологически и эстетически новое направление в поэзии, одновременно формировался особый род новой критики – критика русских символистов как одно из проявлений модернистских течений в литературной критике. Новое искусство сопровождалось громкими полемическими заявлениями критиков, дискуссией мнений, ниспровержением кумиров прошлого. Предвосхищая во многом идеи О. Шпенглера о гибели европейской цивилизации, общаясь с В.С. Соловьёвым и, как никто, понимая этого философа-идеалиста, Меньшиков, как и В.С. Соловьёв, отрицательно относился и к литературно-критическим теориям критиков-символистов, и к произведениям их литературного творчества. Роль ниспровергателя авторитетов народнической критики взял на себя А.Л. Волынский (1861–1926), расправившись на страницах журнала «Северный вестник» с Белин-

ским, Чернышевским, Добролюбовым и Писаревым. В статье «Критический декаданс» (1893), имеющей особое значение в творчестве Меньшикова-критика, Михаил Осипович защищает не только В.Г. Белинского, но и корифеев «реальной» критики 1860-х годов от Волынского, напоминая об их несомненных заслугах. В этой статье критик отвергает нелепость интерпретаций повести Чехова «Палата № 6» и драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес», представленных Волынским. Меньшиков с возмущением пишет: «В мартовской книжке г. Волынский ополчается на представителей нашей реальной критики и смешивает, что называется, с грязью Белинского, Добролюбова и Писарева. В следующих книжках он решительно вооружается против здравого смысла вообще (прошу понимать это серьёзно, в буквальном значении), заявляет себя ярким символистом, мистиком, противником общественных вопросов, сторонником смерти как “свободы пробуждения от мучительного сна жизни” и, наконец, поклонником безумной критики» [6, Т. 2, с. 242–243].

Меньшиков видит в критических построениях Волынского «одну из разновидностей той литературной хвори», о существовании которой в литературе он предупреждал в статье «Литературная хворь» (1893). Меньшиков пишет: «Тогда я привёл две-три беглых иллюстрации нового психического поветрия из области поэзии, изящной словесности и науки. Теперь г. Волынский даёт нам грустное доказательство, что мгла, заволакивающая литературный мир, с неудержимой силой коснулась и критики» [6, Т. 2, с. 243].

Критические выступления А. Волынского вызывали у Меньшикова большую тревогу за судьбы русской литературной критики. Он считал, что Волынский и другие критики-декаденты оказывают разрушительное действие не только на критику и литературу, но и на всё русское общество: «В наш “век бактериологии” нельзя пренебрегать гг. Волынскими, как бы незаметны они ни были: обладая поразительной способностью размножаться, гг. Волынские могут иногда серьёзно расстраивать общественное мышление. Борьба с ними ничего приятного не представляет, но она необходима. <...> Разве это не “подвиг” в своём роде – одним взмахом пера похерить деятельность Белинского и его преемников? Несомненно, эта попытка в Геростратовом вкусе» [6, Т. 2, с. 243].

Стремление низвергнуть с заслуженных пьедесталов В.Г. Белинского, властителя дум передового русского общества 1830-х – 1840-х гг., и знаменитых критиков-демократов 1860-х годов вызывает возмущение и ужас у Меньшикова: «Это имена не из последних, имена людей, послуживших литературе и России, людей пылких, убеждённых, горячей кровью изошедших в неблагоприятном и горьком труде писательства. Белинский ведь в руках своих, у сердца, выносил еле народившуюся литературу, провозгласил ее, короновал вниманием общественным – ведь поистине он горел и сгорал любовью к ней, пока оставалась хоть капля сил в измождённом теле. А в том, что осталось от него, разве не пылает этот благородный пламень добра, истины, красоты, справедливости, жизни?» [6, Т. 2, с. 243] Меньшиков напоминал читателям, что сам Тургенев

благоговейно относился к Белинскому, называя его своим учителем, даже завещал похоронить себя у ног Белинского. Меньшиков возмущён тем, что об этом кумире русской литературы Волынский посмел говорить, что у Белинского не было достаточного образования, что критик пошел по ложному пути.

В неожиданной интерпретации повести «Палата № 6» и драмы «Строитель Сольнес» («Счастливец») Волынский Меньшиков увидел яркий пример декларируемого декадентами пренебрежения к логике, разуму, здравому смыслу, прославления безумия, использования сомнительной модной теории итальянского психиатра и судебного врача Чезаре Ломброзо. Вопреки самому Чехову, Волынский ставит под сомнение сумасшествие несчастного пациента палаты № 6 бывшего студента Громова, собеседника доктора Рагина. По мнению Волынского, истину может видеть только помрачённый рассудок. Меньшиков с негодованием опровергает это утверждение: «Но что вы скажете об отрицании самого разума, об отрицании знания, здравого смысла? А ведь г. Волынский и на это решился и, решившись, тотчас же поделился новым открытием с своими благосклонными читателями. Раскройте майскую книжку «Северного вестника» и прочтите литературные заметки г. Волынского. Нормальный здравый смысл объявляется пошлостью и становится ниже всякой разнузданной беспринципности. Но, может быть, это описка, *lapsus linguae*? Но подобные описки невозможны. Приведённая фраза есть итог, заключительный вывод из нескольких десятков предыдущих страниц, где на

разборах драмы Ибсена «Счастливец» и рассказа Чехова «Палата № 6» г. Волынский силится доказать, что нормальный здравый смысл – пошлость, что он – мещанство, а самое высокое и гениальное будто бы лежит за границами здравого смысла» [6, Т. 2, с. 249].

Резкая отповедь Меньшикова стала реакцией на выступления Волынского против «злости дня» в критике, за независимость критики от публицистики, против нравственного просвещения и активного добра: «Особенно у нас в России декадентство явилось крайне некстати. Наша общественная и частная жизнь так застоялась, столько бедствий обрушивается на народ наш, таким непроглядным невежеством он окутан, что требуется энергическое и быстрое вмешательство здравого смысла, чтобы исправить всё это. Нужно много, бесконечно много трезвого сознания во все углы русской жизни, нужны обильные притоки ясного и точного знания, нужно побольше здоровья, желание жить во что бы то ни стало теперь, на этой же самой земле, необходима сила и воля: «власть бессилия», рекомендуемого г. Волынским, немного сделает, немного сделаешь «расстроеным разумом» и «радостным стремлением к смерти» [6, Т. 2, с. 271–272].

Волынский не принимал идеологии поздних народников, отрицал теорию малых дел и культурного просвещения народа, которые были очень значимы для Меньшикова в 1890-х гг.; Волынский видел свою задачу в активных духовных трансформациях через духовную революцию, в основе которой была борьба за торжество модернистских философских теорий в русской литературе и критике. Эти теории Во-

лынский несколько упрощённо относил к идеалистическим, а свои усилия в этом направлении называл «борьбой за идеализм», именно поэтому литературная критика Волынского была собрана в книге 1900 г. под названием «Борьба за идеализм». На основе эстетики И. Канта Волынский занимался созданием системы критериев оценки художественных явлений, которая мыслилась им как фундамент новой имманентной критики, противостоящей публицистической критике, к которой Волынский относил критическое наследие Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Михайловского, Скабичевского, Протопопова. Меньшиков показал нелепость притязаний Волынского: «В последние годы много говорили о психологии толпы, о низшем духовном типе кучки людей, охваченных какой-либо общей страстью. Хотя вопрос этот ещё далеко не разработан <...>, но декаденты ухватились за новое учение как за предлог к самовозвеличиванию насчёт бедной “толпы”, в которую они зачисляют всех, кто им не нравится. Так, Волынский смешал с толпой даже столь редкие и поразительные дарования, как Добролюбова и Писарева, да заодно прихватил и всех своих журнальных недругов, начиная с гг. Буренина, Михайловского, Протопопова и Скабичевского. Чуть не в каждой статье он подаёт “за упокой” всех своих врагов, не забывая помянуть “Михайловского и целую тучу умственно бездарных Протопоповых, подвизающихся на страницах либеральных журналов”. Всё это, видите ли, толпа, тогда как гений – это он, гг. Волынский, он герой, имеющий право, разослав к чёрту Михайловских и Скабичевских, один властвовать над

толпой и писать для неё законы в “Северном вестнике”» [6, Т. 2, с. 263].

Такую резкую отповедь Волынский получал не только от Меньшикова, но почти от всех критиков, либеральных и консервативных. Поэтому Волынский вынужден был искать в русских символистах своих союзников в борьбе за идеализм. Благодаря Волынскому «Северный вестник» стал трибуной и для Д.С. Мережковского, который выступил как ещё один оппонент Меньшикова в полемике о критике и литературе.

Мережковский проявил себя сторонником новой субъективной критики, строящейся на использовании субъективного метода, сочетавшего религиозное обоснование художественного явления и его достоверное историческое представление. Боровшиеся за новую литературу и критику символисты тоже по-своему изучали и интерпретировали творчество русских писателей-классиков. Символисты с особым вниманием отнеслись к творчеству Пушкина. Среди юбилейных публикаций к 100-летию Пушкина в 1899 г. Меньшиков выделил статью Мережковского «А.С. Пушкин». С одной стороны, Меньшиков признал несомненный талант и образованность Мережковского, оценил научные и художественные достоинства его статьи. В статье «Клевета обожания» (1899) («Критические очерки», Т. 2, 1902) Меньшиков обоснованно критикует ошибочную позицию Мережковского, однако тон критика при этом всегда уважителен: «Статья г. Мережковского замечательная вообще, конечно, самая блестящая из посвящённых великому поэту в наше время. Д.С. Мережковский сам поэт, не менее всех других

современных поэтов имеет право считать себя преемником Пушкина. <...> ... подобно Пушкину, г. Мережковский отличается образованностью, знакомством с западными литературами. Лирика и роман интересуют его не менее, чем история и впечатлительности его хватает не только на то, чтобы уловить новые веяния, но и на то, чтобы, к сожалению, преувеличить их. <...> Его суждение о Пушкине интересно во всяком случае, и статья его – полная блеска и жара – могла бы быть событием в нашем образованном обществе, если бы таковое, как общество, существовало. Но среди множества красивых мыслей, своих и заимствованных (у Гоголя, Достоевского и других критиков Пушкина), у Мережковского и в этой статье поражает то, что составляет язву его таланта: отсутствие чувства меры. Над ним не бодрствует гений, который предостерегал бы от ложного шага, от слишком поспешной мысли. Как и у огромного большинства современных дарований, у г. Мережковского слабо действует главный из органов чувств – нравственное зрение. Всякое другое зрение у него очень остро, но он не замечает иногда чудовищного безобразия чисто нравственного, до которого договаривается в своих писаниях. Это тем более жаль, что г. Мережковский по другим данным своей природы мог бы быть силою в литературе значительною и полезною. В статье “А.С. Пушкин” наговорено множество истин и ошибок, на которых я останавливаться не стану; предложу лишь читателю обратить внимание на “второй главный мотив пушкинской поэзии”, как понимает его г. Мережковский. Это мотив – “полубог и укрощённая им стихия”» [5, Т. 2, с. 139–140]. По

мнению Меньшикова, субъективный критический метод не позволил Мережковскому постичь высшую гармонию творчества Пушкина, пренебрегая этической составляющей исследования. Меньшиков обратил внимание, что своей религией поэт-символист считал язычество, причём не язычество Эллады, а искажения язычества, превращая воспевание физической красоты и силы в прославление жестокости и сладострастия. Стремясь обосновать феномен Пушкина через соотношение языческого и христианского начал в истории и в творческой личности, Мережковский представил Пушкина язычником, высокомерным аристократом, презирающим народ: «Но совершенно напрасно он присваивает свои думы другому, более авторитетному лицу, хотя бы с целью почтить его этим. <...> Под видом возвеличивания великого поэта он возводит на него очень серьёзное обвинение, будто Пушкин ненавидел и презирал народ, будто он воспевал тех тиранов, которые не задумывались проливать кровь народную, как воду. Мне кажется, что это клевета на Пушкина, хотя бы и высказанная как восторженный комплимент. Сам г. Мережковский пламенно выражает своё презрение к народу и любовь к тиранам – это его добрая воля и вопрос, может быть, моды, но утверждать, что Пушкин был того же кровожадного мнения – это несправедливо» [5, Т. 2, с. 142].

Объектом анализа, призванного наглядно показать ненависть и презрение Пушкина к народу, Мережковский выбрал стихотворение «Поэт и толпа» («Чернь») (1828) и поэму «Медный всадник» (1833): «На основании стихотворения Пушкина “Чернь” (“Поэт

и толпа”) Мережковский торжественно возводит Пушкина в злейшие враги народные, крича, что это-то и есть величайшая заслуга поэта. <...> Он ухватился за “Чернь” – сильное по форме, но одно из самых загадочных по замыслу стихотворение Пушкина, и на невыясненности его строит духовный образ Пушкина, его отношение к человечеству. <...> Знать всё это и всё-таки приписывать Пушкину презрение к черни народной и демократии – недобросовестно. <...> Вспомните ещё эпиграф к “Черни” – *procul este, profani...* (*прочь, непосвященные (лат.) – восклицание жреца из 6-й песни «Энеиды» Вергилия. – В. Т.*) Что Пушкин питал презрение к профанам – это несомненно, но профаны и народ – не одно и то же. Профаны не невежды только, а надменные невежды, и такие встречаются чаще в светском кругу, нежели среди народа <...> Если предполагать, что Пушкин выразил в “Черни” *свою* поэтическую веру, *свое* отношение к народу, то этим были бы вычеркнуты другие исповедания веры, написанные им заведомо как характеристика своего призвания. Как бы в предчувствии близкой смерти создавая себе “памятник нерукотворный”, Пушкин утешал себя тем, что “к нему не зарастёт народная тропа”. Едва ли подумал о ней ненавистник черни» [5, Т. 2, с. 144].

Если в полемике с Волинским Меньшиков ставит целью уничтожить оппонента, представив наиболее очевидные несообразности в его высказываниях, то с Мережковским Меньшиков ведёт подлинно научный диспут, показывая собственную эрудицию и безупречную логику рассуждения. Меньшиков даёт понять, что он имеет дело с достойным оппонентом,

опасную неправоту которого нужно показать публике, убедить её, что критики-декаденты воссоздают искажённый образ Пушкина: «Пушкин – душа огромная; это была не одна жизнь, а как бы тысяча жизней, сплетённых в одну ткань. Пушкину были доступны все страсти человеческие и увлечения, вся правда и вся ложь бытия. Пушкин искренно переживал и язычество, и христианство, вмещал в себя все человеческое. Как поэт – он был эхом жизни, “ревел ли зверь” в его сердце, “гремел ли гром” или слышался голос “девы” – на все давал он отклик. Поэзия – упоенье, и он искал его всюду – и в трогательной любви, и в героизме, и “в дуновении чумы”. Недолго он прожил, и многое заветное ещё не дало в нём расцвета» [5, Т. 2, с. 144].

Именно полемика с декадентами стала той вехой, которая означала начало особого пути Меньшикова-критика и публициста, «сторонника русской державности, патриота, последовательного борца со всем, что, по его мнению, мешает развитию России» [3, с. 15]. Явление декаданса и модернизма в целом, а также революционной пропаганды в литературе Михаил Осипович связывал с «духовными и социальными процессами распада русской державы» [3, с. 15]. По мнению М.Б. Смолина, второй период творчества Меньшикова, время работы в газете «Новое время» в 1901–1917 гг., был связан со становлением «имперского мышления» Меньшикова, которое проявилось в последовательной борьбе против анархии и нигилизма во внешней и внутренней политике, законотворческой деятельности, жизни русской армии и флота, в русской печати и литературе.

Статьи Меньшикова из сборника «Критические очерки» вызвали большой интерес в русском обществе. Чехов в основном с похвалой отзывался о критических выступлениях Меньшикова, а статью «Клевета обожаания» он оценил особенно высоко: «Ваша “Клевета обожаания” – образцовая критическая статья, это настоящая критика, настоящая литература» [1, с. 135].

Значение литературно-критического наследия М.О. Меньшикова заключается в том, что его творчество с полным правом можно отнести к «мироприемлющему началу», к особому направлению в русской литературе и критике, которое вело своё происхождение от наследия А.С. Пушкина в понимании роли творческого человека как хранителя национальной традиции (топики) в литературе, незывлемых принципов отечественной культуры. По мнению доктора филологических наук А.Н. Николукина (ИНИОН РАН), это созидательное начало в литературно-критическом и публицистическом творчестве проявилось у М.Н. Каткова, А.С. Суворина, В.В. Розанова. К этому направлению принадлежал и М.О. Меньшиков. Созидательное, «мироприемлющее начало», по словам В.Е. Хализева, противостояло критическому, разрушительному направлению, идущему от наследия А.И. Герцена и революционных демократов. Представители «мироприемлющего направления» в художественном тексте искали те ценностные принципы, которые были значимы для автора произведения: «В работах начала XX столетия русская классическая литература

была осмыслена в духе пушкинского ответа на чаадаевское “Философическое письмо”: как наследование и средоточение ценностей отечественной культуры <...>. В качестве доминирующих начал (и при этом весьма высоко оцениваемых) здесь обсуждались этический пафос, «учительность», идея жертвенного служения в творчестве русских писателей XIX века» [9, с. 26]. Созидательному началу в литературе и критике Меньшиков противопоставил декадентскую литературу и критику, оказывающих не менее разрушительное влияние, чем радикальные революционные теории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / сост., статьи, подгот. текстов и примеч. А.С. Мелковой. М.: Рус. путь, 2005. 480 с.
2. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики: Жанры. Композиция. Стил / Б. Егоров. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1980. 318 с.
3. Крижановский Н.И. Публицистика М.О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX – XX веков: монография / Н.И. Крижановский. Армавир: Ред.-издат. отдел Армавирск. гос. пед. академии, 2012. 188 с.
4. Крупчанов Л.М. История русской литературной критики XIX века: учеб. пособ. для студентов вузов по специальности 032900 – «Русский язык и литература» / Л.М. Крупчанов. М.: Высшая школа, 2005. 382 с.
5. Меньшиков М.О. Клевета обожаания // Меньшиков М.О. Критические очерки. Спб., 1902. Т. 2. С. 136–174.
6. Меньшиков М.О. Критическое декадентство // Меньшиков М.О. Критические очерки. Спб., 1902. Т. 2. С. 241–272.

7. Меньшиков М.О. Пределы литературы // Меньшиков М.О. О писательстве. Спб., 1898. С. 251–278.
8. Прозоров В.В. История русской литературной критики: Учеб. пособ. для высш. учеб. заведений по направлению и специальности «Филология» / под ред. В.В. Прозорова и др. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2009. 430 с.
9. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 249, [2] с.